

РОЛЬ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА В РАЗВИТИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Автором рассматриваются вопросы, связанные с проблемой применения международных норм для регуляции уголовно-процессуальных отношений. Поднимается вопрос о необходимости совершенствования УПК РФ с учетом практики Европейского суда по правам человека.

Современное развитие международного сообщества, основанного на европейских ценностях, декларирует в качестве основополагающего элемента любой системы правоотношений человека, его права и гарантии по их осуществлению. Многие из указанных положений нашли свое выражение и закрепление в Конституции РФ. Вместе с тем необходимо констатировать тот факт, что на текущий момент учесть все положения международно-правового статуса личности в рамках текста конституции представляется нереальным, поэтому можно признать достаточным уже саму отсылку в ее нормах к основополагающим основам и принципам международного права, чтобы создать условия для применения их в рамках российского уголовно-процессуального права.

Значимость реализации положений международно-правовых норм в рамках национально-правовой системы определена тем фактом, что правосудие – это вид государственной деятельности, связанный в определенных случаях с применением мер принуждения, поэтому определить границы возможного обоснованного воздействия государства на личность – это первостепенная задача, получившая признание международным сообществом.

Однако создание таких условий не является реальным показателем подлинного применения международных положений, что связано как с определенными трудностями в рамках определения понятийного аппарата относительно контекста термина «основополагающие нормы и принципы международного права», так и с косностью правоприменительной системы, нежеланием непосредственного обращения к международно-правовым нормам. В указанной ситуации, как видится, уместна была бы концепция о том, что любой международный акт, расширяющий перечень статутных прав личности, автоматически приобретает статус

общепризнанной нормы, не нуждающейся в какой-либо ратификации. Однако в ближайшей перспективе такое решение проблемы представляется маловероятным.

Ввиду данного факта уже достаточно длительное время в науке уголовно-процессуального права дискутируется вопрос о необходимости создания действенного механизма по учету международных стандартов при реализации конкретных уголовно-процессуальных отношений. Однако реально ни одно из обсуждаемых положений не нашло своего воплощения в правоприменительной деятельности. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10. 10. 2003 г. №5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» лишь констатировало факт низкого уровня реализации международно-правовых норм и выделило лишь некоторые из обязательных аспектов, необходимых для учета в правоприменительной деятельности. По прошествии пяти лет в указанной сфере деятельности, отметим, кардинальных перемен так и не произошло.

Нежелание правоприменителя использовать нормы международного права объясняется прежде всего аморфным характером их содержания, то есть по своей сути они являются принципиальными положениями, определяющими базовые элементы уголовно-процессуальных правоотношений, и поэтому, как надо понимать, нуждаются в конкретизации. Первостепенную значимость для развития и совершенствования российской правовой системы, несомненно, имеют положения, сформулированные в решениях Европейского суда по правам человека, содержащие конкретные разъяснения относительно каждого элемента права, закрепленного в Европейской конвенции о правах и свободах, обязательность положений которой,

как и результатов ее толкования, Россия признала при ее ратификации.

Анализ практики Европейского суда показывает, что весомую ее часть сегодня занимают вопросы разрешения ситуаций, связанных с нарушениями прав человека в сфере уголовного судопроизводства. Само по себе разрешение жалобы о праве носит индивидуальный характер, поэтому как для науки, так и для правоприменения значение имеет мотивировочная составляющая данного решения, в котором зачастую дается лишь толкование положений конвенции. И такое толкование является единственным в своем роде официальным разъяснением должного понимания содержания тех или иных положений конвенции, посвященных уголовному судопроизводству, отступление от которых должно бы фактически являться невыполнением взятых на себя государством обязательств. Однако, признавая юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения конвенции, мы в должной мере не можем обеспечить выполнение взятых на себя обязательств в силу того, что российская правовая система не признает правовых прецедентов, к числу которых относятся и решения Европейского суда по правам человека.

Поэтому проблема усугубляется еще и тем фактом, что на законодательном уровне не определено, являются ли толкования конвенции, которые даны по спору о праве с участием другого государства, обязательными для РФ или нет. С точки зрения здравого смысла, толкования конвенции являются едиными и должны распространяться на всех субъектов, однако практика показывает, что по большому счету Россия ждет, когда же аналогичные по своему характеру решения будут приняты непосредственно в отношении нее. К тому же следует констатировать и тот факт, что те решения, которые принимаются в отношении России, явля-

ются однотипными и носят системный характер. В основном они связаны с несоблюдением разумных сроков судебного разбирательства, отсутствием должной мотивированности постановлений о продлении заключения под стражей и предварительным заключением в помещениях, не отвечающих установленным стандартам. И если решение вопроса об условиях содержания связано с необходимостью крупных финансовых инвестиций, что, конечно же, не является разумным и достаточным оправданием, то другие нарушения – это факт пренебрежительного отношения правоприменителя к правам и свободам личности.

В подтверждение вышеобозначенной позиции можно привести решение по делу «Шухардин против Российской Федерации»¹, где Европейским судом была признана неконструктивной позиция правоприменителя, который использовал предусмотренную УПК возможность продления предельно допустимых сроков заключения под стражей на период ознакомления с материалами уголовного дела в иных, не связанных с указанным фактом целях. Так, в данном случае суд усмотрел нарушение конвенции в том, что, имея полные сведения о постоянных отказах заявителя повторно изучать дело, внутригосударственные судебные органы продлили его предварительное заключение на том основании, что он нуждался в дополнительном времени для изучения дела. Таким образом, они, по сути, лишили заявителя права самостоятельно решать, закончил ли он изучение дела и был ли готов к передаче дела в суд. Также по данному делу судом было признано наличие нарушения конвенции, связанное с фактом произошедшей задержки освобождения лица из-под стражи. Суд указал, что большое расстояние между судом и местом содержания под стражей не может служить основанием для задержки освобождения в несколько дней – для решения данных процедурных вопросов достаточно нескольких часов.

¹ <http://www.minjust.ru/ru/ECJ/precedent/index.php?from4=5&id4=106>